

Оригинальная статья / Original article

УДК 003.32 (=512.157)

DOI: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-3-115-128>

Древнее письмо якутов (конец XIX – начало XX в.): идеограммы

© Р.И. Бравина, Е.Н. Соловьева

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Россия

Аннотация: Статья представляет собой вторую часть исследования по идеографическому письму якутов конца XIX – начала XX в. на основе «Торговой книги, неграмотного инородца Верхоянского округа», хранящейся в фондах Якутского государственного музея истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского. В тексте торговой книги рисунки реальных предметов, людей и животных, изложенные в первой части статьи, соседствуют со знаками-символами, имеющими тамгообразные и руноподобные начертания, происхождение которых связывается с идеограммами писанин Средней Лены, руническими графемами древнетюркской письменности и тамговых знаков тюрко-монгольских народов Центральной Азии и Южной Сибири. Систему знаков торговой книги можно охарактеризовать как идеографическое письмо, которое вобрало в себе элементы пиктографии. В рассматриваемом документе эти знаки используются для мнемонической «записи» торгово-экономических операций. У якутов имели распространение несколько видов «писем» с применением подобных графических знаков: 1) шаманские «тайнописи»; 2) «письма» информационного характера, которыми обменивались представители элиты общества; 3) «профессиональные» и «бытовые» мнемонические «записи». Можно предположить, что такой тип идеографического письма у якутов сложился в течение длительного исторического периода, начиная со времени проживания их предков в тюрко-монгольской среде номадов Центральной Азии и Южной Сибири.

Ключевые слова: якуты, идеографическое письмо, пиктограмма, петроглифы, погребения, граффити, тамга, рунические знаки, торговля, пушнина

Информация о статье: Дата поступления 26 февраля 2019 г.; дата принятия к печати 25 марта 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 сентября 2019 г.

Для цитирования: Бравина Р.И., Соловьева Е.Н. Древнее письмо якутов (конец XIX – начало XX в.): идеограммы // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 3. С. 115–128. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-115-128

Ancient writing of the Yakuts (late XIX – beginning of the XX centuries): ideograms

© Rosalia I. Bravina, Elena N. Solovyova

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation

Abstract: The article represents the second part of the study on the ideographic writing of the Yakuts of the late XIX – early XX centuries on the basis of the “Trading Book, an Illiterate Non-Russian of the Verkhoyansk District”, which is stored in the funds of the Yakutsk Yaroslavsky State Museum of History and Culture of the Peoples of the North. In the text of the trade book, the drawings of real objects, people and animals, set forth in Part 1 of the article, are adjacent to tamga-like and runic-like characters, the origin of which is associated with the ideograms of the Central Lena scribbling, runic graphemes of ancient Turkic writing and tamga signs of the Turkic-Mongolian peoples of Central Asia and South Siberia. The mark system of the trade book can be described as an ideographic writing that incorporates elements of pictography. In this document, these signs are used to mnemonic “record” of trade and economic operations. The Yakuts had several types of “letters” spreading with the use of similar graphic signs: 1) shaman “secret writing”; 2) “letters” of informational nature exchanged by representatives of the elite of society; 3) “professional” and “household” mnemonic “records”. It can be assumed that this type of ideographic writing

of the Yakuts formed over a long historical time, beginning with the residence of their ancestors in the Turkic-Mongolian environment of the nomads of Central Asia and South Siberia.

Keywords: Yakuts, ideographic writing, pictogram, petroglyphs, burials, graffiti, tamga, runic signs, trade, furs

Article info: Received February 26, 2019; accepted for publication March 25, 2019; available online September 30, 2019.

For citation: Bravina R.I., Solovyova E.N. 2019. Ancient writing of the Yakuts (late XIX – beginning of the XX centuries): ideograms. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Journal of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15. No. 3. Pp. 115–128. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-115-128

Описание и анализ знаков-символов (тангха-бичик)

На имеющихся в нашем распоряжении фотокопиях четырех с половиной листов текста выявлено 55 графических символов разного вида. Из них Е.Д. Яныгиным атрибутировано 3 знака, относящихся к предметам купли-продажи и 5 обозначений денег, что зафиксировано на фотокопии листа 1¹. Расшифровка 14 символов, не считая денежных обозначений, имеется в работе П.В. Попова (Попов. Д. 154. Л. 10)².

По графическому рисунку начертаний знаки-символы можно разделить на две группы: 1) простые (базовые) геометрические фигуры (круг и прямые линии в различных вариациях: квадрат, прямоугольник, трапеция, треугольник, угол) и 2) комбинированные графемы, составленные из нескольких самостоятельных геометрических фигур. Практика изображения сложносоставных фигур применялась якутами при передаче тамги собственности от отца к сыну, когда рядом со старой тамгой ставилась тамга нового владельца или к ней прорисовывались незначительные дополнительные элементы (Саввин. Д. 45. 387)³. В торговой книге ровная поверхность бумаги и твердый грифель

карандаша позволили автору прорисовать достаточно сложные в графическом исполнении знаки.

Имеющиеся в тексте знаки-символы можно подразделить на 12 типов, основу которых составляют фигуры первой группы (табл.).

Сопоставление знаков-символов текста (А) с тамговыми знаками якутов (Саввин. Д. 45, 46⁴; Симченко, 1965) (Б), элементами якутского орнамента (В), Ленскими петроглифами (Ксенофонтов, 1927; Окладников, Запорожская, 1972) (Г), знаками орхоно-енисейской письменности (Д), древнетюркскими тамгами (Зуев, 1960; Ольховский, 2001. Рис. 1) (Е), тамгами современных тюркских народов (Востров, Муканов, 1968; Кузеев, 1974; Тюлюш, 2015) (Ж) и монгольскими тамгами (Вайнберг, Новгородова, 1976; Rintchen, 1968) (И).

Тип I – «круг и его виды». Круг у якутов означал солярный знак (кюн – солнце) и входил как в систему тамговых знаков, так и в орнаментальный комплекс. В тексте данный знак используется главным образом для денежных обозначений. Так, 1000 руб. изображается большим кругом, разделенным на восемь равных частей; 100 руб. – кругом поменьше, разделенным на четыре части; 10 руб. – простым кругом меньшего размера; 1 руб. – палочкой-насечкой; 10 коп. – маленьким черным кружочком (табл., А-1, 2, 4, 5). На листе 21 шесть кругов, прочерченных крестиком, имеют наверху отростки из 3–7 черточек-палочек, вероятно, изображающих рубли (табл., А-3). Всего в тексте зафиксировано знаков, обозначающих 1000 руб. – 7; 100 руб. – 88; 10 руб. – 435; 1 руб. – 1055; 10 коп. – 1032, что составляет в общей сумме 23 тыс. 750 руб. Маленький черный кружок применяется

¹ Фотокопии листов «Торговой книги неграмотного якута Верхоянского округа» // Якутский государственный объединенный музей истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского. Коллекции документальных фотоматериалов. Кпф. № 3046–3051.

² Попов П.В. Краткий очерк о торговой книге неграмотного верхоянского якута-купца. 1946 г. // Рукописный фонд архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 4. Д. 154.

³ Саввин А.А. Этнографические заметки. 1939–1940 гг. // Рукописный фонд архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Д. 45, 46.

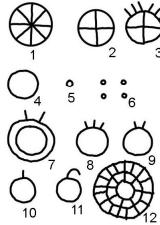
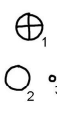
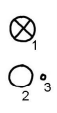
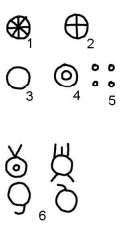
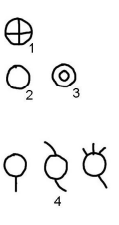
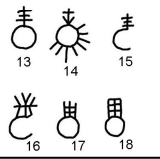
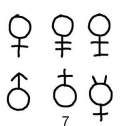
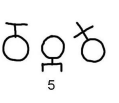
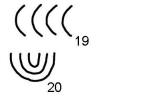
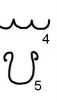
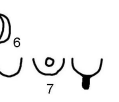
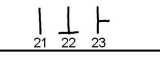
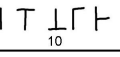
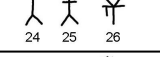
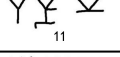
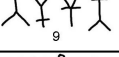
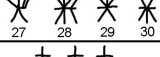
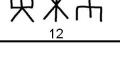
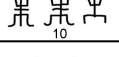
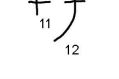
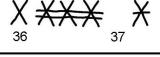
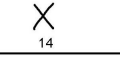
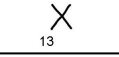
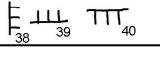
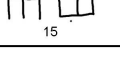
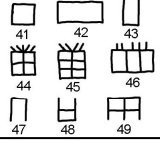
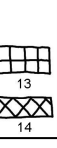
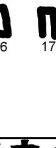
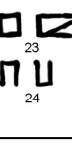
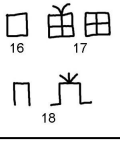
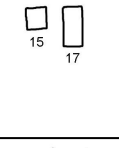
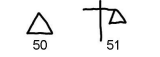
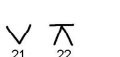
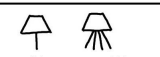
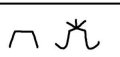
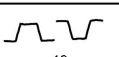
⁴ Указ. соч.

Таблица

Знаки-символы из торговой книги

Table

Signs-symbols from the trading book

Типы	А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	И
I								
								
III								
IV								
V								
VI								
VII								
VIII								
IX								
X								
XI								
XII								
XIII								

также при обозначении количества фунта сыпучих товаров (табл., А-Б). Как верно отметил М.И. Губельман, денежные символы в торговой книге верхоянского купца значительно отличаются от

общепринятых знаков, наносимых на счетных бирках, в соответствии с «Уставом об управлении инородцев в Сибири» 1822 г. (Губельман, 1915. С. 32). Знак «круг» в тамговой системе якутов имел два

вида: простой круг и круг с вписанным крестом (табл., Б-1, 2). По материалам Ю.Б. Симченко, в XVII в. круг, перечеркнутый крест-накрест, изображал шаманский бубен и считался у якутов, так же как и у коренных народов Средней и Восточной Сибири, шаманской тамгой (Симченко, 1965. С. 185). Эти два знака фиксируются и на древних петроглифах Средней Лены (табл., Г-1, 2), при этом простой круг интерпретируется исследователями как солнце, а другой его вид – как шаманский бубен (Окладников, Запорожская, 1972. С. 91).

Следующий знак из этой группы представлен изображением круга с короткими отростками кверху. По записям П.В. Попова, он обозначает «флягу водки» (Попов, 1946. Л. 10)⁵. По всей вероятности, речь идет о бутылки водки. В России в конце XIX – начале XX в. производились бутылки с объемом 3,07 л (1/4 ведра) и бутылки 0,61 литра (1/20 ведра). В тексте имеются пять вариантов этого символа: двойной круг с двумя прямыми отростками кверху (табл., А-7); три разновидности круга поменьше с одним-тремя прямыми отростками (табл., А-8, 9, 10), а также круг с одним кривым отростком в виде закорючки (табл., А-11). Вполне возможно, что первый вариант идеограммы означал водку двойной очистки с «белой головкой», которая стоила дороже водки одинарной очистки с «красной головкой». Количество отростков могло обозначать количество и объем бутылок или же процент разбавленного спирта.

Круг с отростком в виде кривой черточки зафиксирован на наскальных рисунках Средней Лены (табл., Г-3). По начертанию он напоминает древнетюркские тамги (табл., Е-4), приводимые в китайском сочинении «Танхуяо» (VIII–X вв.) (Зуев, 1960. С. 68, 120). Круги с дополнительными элементами в виде отростков широко распространены также в тамговой системе современных тюркомонгольских народов (табл., Ж-6; И-4). Особняком стоит знак А-12, который, по всей видимости, обозначает какую-то постройку с круглым основанием. Тамга подобного изображения зафиксирована у

красноярских татар под названием «юрта» (Оглоблин, 1891–1892. С. 5. Рис. 95).

Тип II – «круг и его усложнения» представляет собой соединение круга с разными фигурами. Так, в качестве обозначения кирпича чая использован круг, увенчанный крестом с тремя горизонтальными линиями-перекладинами, для упрощения названным нами «сложным крестом» (табл., А-13). Половина плитки чая графически передается в виде соединения креста этого вида с полукругом (табл., А-15). Похожие по начертанию комбинированные знаки зафиксированы среди тамг тюркомонгольских родов (табл., Е-5; Ж-7; И-5). В тексте торговых записей усложненные виды круга встречаются также в соединении и с другими фигурами, которые не имеют расшифровки (табл., А-14, 16, 17, 18).

Тип III – «дуга и ее варианты». Первый вариант этой идеограммы похож на русскую букву «С». Похожий знак в тамговой системе якутов именовался «ый» (луна, полумесяц) (табл., Б-4). Идеограмма в тексте представляет собой 3–7 символов, расположенных параллельно друг другу в один горизонтальный ряд (табл., А-19). Второй вариант представляет собой изображение, составленное из вложенных друг в друга 3–6 дуг, повернутых выгнутой стороной вниз (табл., А-20).

Символ «дуга» не атрибутирован в тексте, хотя Г.В. Ксенофонтов упоминает наличие в нем рисунка «рогов взамен рогатого скота» (Ксенофонтов, 1932. Л. 2)⁶. По своему контуру этот знак отдаленно напоминает основу наиболее характерного и распространенного в орнаментальном искусстве якутов лировидного узора (табл., В-5), известного в исторической литературе под названием «бараньи рога». По предположению художника-этнографа М.М. Носова, он образован «постепенной стилизацией силуэта скотской или оленьей головы» (Носов, 1948. С. 110–111). Дугообразные фигуры-полукруги зафиксированы А.П. Окладниковым и В.С. Запорожской на писаницах Средней Лены (табл., Г-4, 5). Авторы трактуют их как символ жи-

⁵ Указ. соч.

⁶ Ксенофонтов Г.В. Два памятника орхонской письменности из Предбайкалья. 1932 г. // Рукописный фонд архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 113.

лица «типа купольной постройки из жердей, крытых корой или дерном» (Окладников, Запорожская, 1972. С. 91). На наш взгляд, дуги, расположенные друг над другом, проявляют сходство с тамгами древнетюркских родов «Шары» («Сары») и «Чериг» (табл., Е-9, 10). Черики, по данным Махмуда Кашгарского, входили в состав Огузов (Зуев, 1960. С. 121–122). Н.А. Аристов писал, что название Чериктейского наслега якутов Дюпсинского (ныне Усть-Алданского) улуса напоминает «поколение чирик у таньшаньских кара-киргизов» (Аристов, 1896. С. 336). Весьма примечательно, что П.А. Ойунский, исследовавший одним из первых петроглифы Средней Лены, особо выделил среди них идеограмму, похожую на изображение «головы коровы или быка», и высказал предположение, что она, вероятно, являлась родовой тамгой древних якутов, которые, будучи потомками огузов, отождествляли себя с «ревушим быком мира» (Ойунский, 1935. С. 71, 72). Знак дуга имеет достаточно широкое распространение в тамговой системе тюрко-монгольских народов (табл., Ж-8; И-7), среди которых имеются знаки, схожие со схематичным изображением головы рогатого скота (табл., Ж-9, И-7).

Тип IV – «прямая черта и ее усложнение». Идеограмма в виде прямой вертикальной палочки, как говорилось выше, означает в торговой книге рубль или возраст домашних животных (табл., А-21). В тамговой системе она называлась «кэрдии» (букв. зарубка, насечка) и имела несколько видов. Данная графема усложнялась посредством добавления подобных знаков до пяти и, начиная с двух насечек, иногда называлась «сиирэ анньыы – сметочный шов прямыми стежками», например, тамга в виде двух прямых черточек называлась «икки сиирэ анньыы» – два стежка сметочного шва. Вертикальная черточка, упирающаяся нижним концом в середину горизонтальной линии, называлась «балта» (молоток) (табл., А-22; Б-6). Этот же знак, перевернутый на бок, означал тамгу «балтысах» (стрела лука-самострела с тупым наконечником – томаром) (табл., А-23; Б-7). Похожие рисунки зафиксированы на писаницах Средней Лены (табл., Г-6, 7, 8). Они распространены, начиная с раннетюрк-

ского времени, среди тамг тюрко-монгольских народов Центральной Азии и Южной Сибири (табл., Е-11,12; Ж-10, И-8). Руна в виде прямой вертикальной черточки является одной из «букв» орхон-енисейской письменности (табл., Д-4).

Тип V – «двузубец/рогатина и его виды». По мнению Г.В. Ксенофонтова, знак «в виде стержня с двумя развилками», часто встречающийся на наскальных изображениях Лены, напоминает «древнеякутскую княжескую тамгу», выведенную на оружии батас Мазары Бозекова, принадлежащего к клану тыгинидов (Ксенофонтов, 1927. Табл. X. Рис. 2) (табл., Б-8). К приходу русских божеством-тотемом правящего кангаласского рода якутов Средней Лены под предводительством «царя» Тыгына являлся восточносибирский орел-беркут. По свидетельству В.Л. Серошевского, колымские якуты кангаласского рода имели в старину знак беркута «барылас» (Серошевский, 1993. С. 454). Г.В. Ксенофонтов подчеркивал древность этого знака: «Якутам, как потомкам Орхонских турок (уйгур), особенно в первые периоды их проникновения на Лену, должна быть свойственна страсть запечатлеть свои мысли и чувства в виде надписей, давая знак о себе потомству» (Ксенофонтов, 1927. С. 6). В тюрко-монгольской среде были широко распространены двузубцы и трезубцы, которые имели сакральный характер или использовались как родовой знак в разных вариациях еще с древнетюркского времени (табл., Е-13; Ж-11; И-9). Эти знаки присутствуют на писаницах Часовня и Суруктаах-Аан на Средней Лене (табл., Г-9), а также входят в орхон-енисейскую рунику (табл., Д-5, 6, 7, 8). Рогатина встречается среди орнаментальных мотивов якутов (табл., В-8, 9). В записях П.В. Попова двузубец с горизонтальной черточкой в концевой части осевого стержня интерпретируется как иконическая пиктограмма, означающая шкуру горностая (табл., А-25). Идентичное изображение зафиксировано среди «остяцких знамен» XVII в. под названием «птица», «пташка» (Оглоблин, 1889. С. 141).

Тип VI объединяет знаки, имеющие иероглифическое начертание, похожее на русскую букву «Ж» (табл., А-27-30). Знак применялся в обозначении фунта листового черкасского табака – главного

предмета торговли. По всей видимости, он представляет собой иконическую пиктограмму, так как единицей продажи/обмена этого товара являлась «папуша» – связка засушенных листьев табака. Рассматриваемый знак отдаленно напоминает тамгу под названием «юс сиирэ тардыы» (букв. три швастежка) (табл., Б-9). Похожие идеограммы имеются среди наскальных рисунков Средней Лены (табл., Г-10). Они также присутствуют среди тамг тюрко-монгольских родов и входят в рунику орхон-енисейской письменности (табл., Д-9, 10; Е-14; Ж-12; И-10). Согласно источнику «Танхуйяо», подобная тамга принадлежала племени Юй-мэй-хунь, вторая часть названия которого соответствует широко распространенному в древнетюркских языках множественно-собирательному аффиксу *gün* (*kün*). По мнению ряда исследователей, термин *kün* (гунн) служил для обозначения определенных родовых и племенных организаций и включал в себя понятие «рода» или «племени», связанного единством этнического происхождения, что позволяет объяснить наличие большого числа древнетюркских племен, известных под общим названием «гуннских» (Зуев, 1960. С. 100).

Тип VII – «крест и его виды». В торговой книге три вида графического изображения креста: первый из них представлен двумя перекрещенными линиями равной длины; у второго – вертикальная ось значительно длиннее горизонтальной; у третьего вида конец вертикальной оси плавно переходит в кривую линию (табл., А-31, 32, 33). Все три вида фиксируются в сюжетах древних писаниц Средней Лены (табл., Г-11, 12, 13), а также входят в тамговую систему тюрко-монгольских родов (табл., Е-15; Ж-13; И-11, 12). Простой крест «биллэгэ кэрдийи» (букв. перекрещенные зарубки) использовался неграмотными якутами в качестве «удостоверения личности» – «рукоприкладства», т. е. подписи (табл., Б-10). Он также входил в систему орнаментальных мотивов в качестве символа сакрального оберега и наносился на предметы декоративно-художественного и бытового назначения (табл., В-10). По данным Н.Н. Оглоблина, тамга в виде удлинённого креста (табл., Б-11) у туранских татар означал посох (Оглоблин, 1891–1892. С. 5. Рис. 64). Тре-

тий вид этого знака, судя по общей композиции рисунков текста, применялся в межевом определении границ поселений (табл., А-33).

В тексте также присутствует крест с тремя горизонтальными линиями-перекладинами (табл., А-34), условно названный нами «сложный крест». В тамговую систему якутов входил крест с двумя прямыми перекладинами (табл., Б-12). В торговой книге знак «сложный крест» встречается в двух видах: в сочетании с кругом, что условно обозначает кирпич чая (табл., А-13) и в соединении с полукругом (табл., А-35) – его половину. Похожие знаки присутствуют среди древнетюркских тамг (табл., Е-16, 17, 18). Первые два из них принадлежали толесским племенам Сыгур (сыкары), а третий – канглам (Зуев, 1960. С. 115), с которыми связывается происхождение кангаласских родов саха.

Косой крест в виде римской цифры «Х» в одиночном виде в тексте встречается достаточно редко (табл., А-36). Наиболее распространенную идеограмму составляют два-три знака, соединенные посередине двумя горизонтальными линиями (табл., А-37), что П.В. Поповым расшифровывается как «воз сена». Это скорее иконическая графема, чем символ, так как похожа на реальную конструкцию якутской изгороди «тосого кюрюе», состоящую из двух или трех тонких жердей, пропущенных через развилки скрещенных кольев. Косой крест использовался якутами в качестве тамги и орнаментального узора (табл., Б-13; В-11). Знак довольно часто встречается среди петроглифов Средней Лены (табл., Г-14), тамговых знаков тюрко-монгольских племен (табл., Е-19; Ж-14; И-13), а также древнетюркских рун (табл., Д-11).

Тип VIII – знак, похожий на русскую букву «Е» в разных позициях, представляет собой рассеченный пополам сложный крест и означает четверть плитки чая (табл., А-38, 39, 40). Этот знак в качестве тамги (табл., Б-14, 15) и орнамента (табл., Б-12) назывался у якутов *тараах* (гребень). Похожая идеограмма присутствует среди петроглифов Средней Лены (табл., Г-15). Следует отметить, что подобной конфигурации тамги, по китайским источникам, имелись у средневековых боклийских (табл., Е-20) и толесских племен (табл., Е-21) (Зуев,

1960. С. 111, 128). Некоторые исследователи склонны связывать «боклийских степняков» с милге-меркитами Забайкалья. По мнению А.В. Тиваненко, меркиты являлись потомками древних уйгуров, тем более что среди них было племя уйкур (Тиваненко, 1992. С. 57). Другой схожий знак (табл., Е-22) по тем же источникам принадлежал Киданям-Кытаям (Зуев, 1960. С. 129). Тамга «гребень» (тюрк. *тарак*) имеет широкое распространение среди тюркских и монгольских народов (табл., Ж-15; И-14).

Тип IX — «квадрат и прямоугольник, их вариации». У северных якутов эти знаки входили в тамговую систему и означали хозяйственные и жилые постройки срубного типа (табл., А-41, 42, 43). Некоторые из них разделены горизонтальными и вертикальными линиями на 2 и 3 ячейки (табл., А-44, 45), что напоминает узор «илим харага» (узор ячеек сети) (табл., В-13, 14). При этом многие фигуры имеют сверху от двух до семи прямых и косых отростков. Часть прямоугольников вертикальными или горизонтальными линиями разграничена на 3 равных блока (табл., А-46). Вероятно, эти знаки означали товар, упакованный в ящике. Например, весовой байховый чай, привозили в ящиках, которые измерялись в «досках». Схожие графемы имеют широкое распространение у племен и родов Центральной Азии и Сибири (табл., Е-23; Ж-16, 17; И-15, 16).

К этому же типу можно отнести знак, похожий на русскую букву «П» (табл., А-47). Подобного начертания тамга называлась «арангас» (лабаз на стойках) (табл., Б-18). Она достаточно распространена у тюркско-монгольских народов (табл., Е-24; Ж-18). По сведениям П.В. Попова, данный знак в перевернутом виде, прочерченный посередине горизонтальной линией, означает банку пороха (табл., А-48). По всей видимости, следующая графема означает ее половину (табл., А-49).

Тип X — «треугольник» в самостоятельном виде встречается в книге очень редко (табл., А-50). По записям П.В. Попова, треугольник входит в идеограмму свинца (якут. хорголдьун), состоящую из креста, горизонтальная перекладина которого имеет неравной длины плечики. В конце длинной

стороны перекладины прорисован треугольник (табл., А-51). Примечательно, что у тувинцев тамга, символизирующая свинец «коргулчун» представляет собой «соединение треугольника с одной прямой вертикальной линией» (табл., Ж-20) (Тюлюш, 2015. С. 205). Похожие тамги имели распространение среди древнетюркских племен, в т. ч. «Кыбирского крыла» Уйгурского каганата (табл., Е-25) (Зуев, 1960. С. 116, комментарий 52). Два треугольника, примыкающие острыми углами друг к другу присутствуют среди рисунков писаниц Средней Лены (табл., Г-19). Похожего начертания знак (табл., Е-26) встречается в рунических алфавитах и среди енисейских тамговых знаков на Тепсейской писанице (Кызласов, 1965. С. 45. Рис. 8, 39, 40).

Тип XI — «угол и зигзаг» используется в тексте для обозначения «мануфактуры материи» (табл., А-52, 53). При этом один угол приравнивается аршину ткани. Данный знак тамги и орнаментальный узор (табл., Б-20; В-16) назывались у якутов-скотоводов «ураса» (берестяное конической формы жилище), а оленные (тундровые) якуты называли на тунгусский манер «чуораа» (чорама – эвен. конический шалаш из жердей» (Саввин. Д. 46. Л. 405)⁷. Угол, перевернутый набок, назывался «чыычаах тумса – птичий клюв» (табл., Б-21), который в соединении с вертикальной линией означал самостоятельную тамгу (табл., Б-22). В этих вариациях угол довольно часто встречается среди тамговых знаков тюрко-монгольских народов (табл., Е-27, 28; Ж-21, 22; И-18). Идеограмма в виде зигзага встречается на наскальных рисунках Средней Лены (табл., Г-21). Схожие графемы присутствуют также среди древнетюркских рун (табл., Д-13, 14).

Тип XII — «трапеция». В тексте рисунок трапеции, к которой книзу примыкает прямой «хвост» символизирует шкуру рогатого скота (табл., А-54), трапеция с развесистым «хвостом» из четырех линий – шкуру лошади (табл., А-55). Этот знак в виде тамги изображал балаган – юрту трапецевидной формы (табл., Б-23). Встречается он и среди наскальных рисунков Лены (табл., Г-22); входил в тамговую систему древнетюркского племени Чериг

⁷ Указ. соч.

(Е-29) и племени Хунь (Kün) (табл., Е-30) (Зуев, 1960. С. 129). Сходные тамги имелись у кыпчакских родов (табл., Ж-23) (Кузеев, 1974. Табл. 9, 1,3,4; Табл. 10, 2), а также у ханов Золотой Орды (табл., И-19). Н.А. Аристов писал, что тамги последних «походили формой на стремя» (Аристов, 1896. С. 287).

Обсуждение результатов. Торговля в жизни якута конца XIX – начала XX века играла важную роль. В конце XIX в. политический ссыльный В.Ф. Трощанский, долгое время проживавший в якутской среде, отмечал «...умственный склад и характер делают якутов прирожденными торгашами... Главное средство обогащения якутов – подряды и торговля ...» (Трощанский, 1911. С. 98). О предприимчивости якутских купцов, говорят следующие факты: в 1889–1890 гг. кирпич чая в Якутске оценивался в 90 коп., а в Среднеколымске его продавали уже за 2 руб. 50 коп., фунт табаку, купленный за 25 коп., соответственно продавали за 1 руб. При этом четверть кирпичного чая обменивалась на белого песка стоимостью 2 руб. 50 коп. (Захаров, 1995. С. 66), что приносило торговцу хорошую прибыль. Цены на песка менялись в течение торгового сезона так, что это позволяло купцам играть «...на песце, как на биржевых бумагах» (Зензинов, 1914. С. 38). Как свидетельствует письмо приказчика торгового дома «Г.В. Никифоров» И.Е. Заболоцкого из Оймякона от 14 марта 1916 г., адресованное известному якутскому купцу Г.В. Никифорову-Манньяттах Уола, местные торговцы покупали лисицу красную по 14 руб., горностаи по 1 руб. 40 коп., белку темную по 40 коп. (Дамешек, Кушнарева, 2016. С. 46) и сбывали по гораздо более высокой цене. Все эти многоходовые операции, требовали тщательной фиксации, так что, думается, что торговые книги, подобные рассматриваемой в данной статье, были явлением, распространенным среди северных торговцев и их агентов.

По определению Г.В. Ксенофонтова, текст торговой книги представляет собой пример «иероглифической мнемоники» (Ксенофонов. Д. 113. Л. 3)⁸, которая служила ее владельцу для запоминания

многочисленных сведений о производимых им торговых, меновых и кредитных операциях. Мнемоническими знаками при этом, наряду с иконическими пиктограммами и идеограммами-символами, выступают тамговые знаки и графемы древнетюркской руники.

Использование тамговых знаков для примитивной «записи» и передачи каких-либо сведений практиковалось якутами, по всей вероятности, еще задолго до прихода русских в Ленский край. Об этом свидетельствует комментарий С.А. Токарева к докладу известного тюрколога С.Е. Малова «Якутский язык и его отношение к другим тюркским языкам» (1941 г.): «В деле о восстании якутов 1642 года, неопубликованном, имеются показания одного из якутов Метемика о роли одного из вожаков восстания Тойона Огея. К этому Огею привезли какую-то «память», и в документе говорится так: «И Огей посмотрел на память да и бросил его». Это слово «память» имело значение письменной инструкции. Показание само по себе очень точное... Скорее, мы имеем руническое, пиктографическое, а может быть, и более развитое письмо» (yakutiamedia.ru) «Новости» 741513)⁹. По историческим данным, в восстании приняли участие почти все роды центральных и отчасти вилюйских якутов. Возможно, это свидетельствует о том, что «письменное воззвание» дошло до многих родовых вождей. При использовании тамговых знаков и иконических пиктограмм вполне вероятным представляется составление письма «военного» характера, содержащего сведения о расстановке родовых войск, их численности, вооружении, потерях и т. д.

Наряду с доступными и понятными для всех или многих пиктографическими письмами существовала тайнопись, которой пользовался ограниченный круг лиц: шаманы и «лучшие» люди, лидеры социума. В Дулгалахском наслеге Верхоянского округа жил известный лекарь Егор Чукров-Чэппиэрэ. По рассказам, он имел старинную книгу, откуда вычитывал нужные «рецепты», по которым готовил лекарственные снадобья. Сам он говорил,

⁸ Указ. соч.

⁹ Тайна якутских письмен. URL: <https://yakutiamedia.ru/news/741513/> (Дата обращения 29.09.2018)

что владеет старинной “вилюйской письменностью”. После его смерти в 1946 г. над могилой поставили три деревянных креста, на каждом из которых были начертаны “тайные письмена” о предстоящих событиях будущего (Попов, 2015. С. 79–81; Левин, 2014. С. 276). Сакральный характер имеет, по всей вероятности, и надпись, вырезанная на священном дереве в местности Нучалах-Аласа в Чурапчинском улусе, расшифровка которой пока не поддается специалистам. По мнению Г.Г. Левина, ее графемы схожи с комбинацией «букв» надписи, зафиксированной Р.К. Мааком в Вилуйском округе, в которой из 13 знаков 4 знака по форме похожи на руны, а остальные – на буквы кириллицы (Левин, 2014. С. 274). На наш взгляд, «буквы кириллицы» указанной надписи (Маак, 1994. С. 148, рис. 16) могут быть с равным успехом сопоставлены с якутскими тамгообразными и руноподобными знаками, имеющими сходство с русскими буквами графические начертания. Это три знака в форме «Н» аналогичные графеме тамги «икки сиирэ тардыы – два стежка сметочного шва», «П» – «арангас – лабаз на сваях» (табл., Б-18), «К» – «биир кэрдии уонна чыычаах тумса – одна зарубка и птичий клюв» (табл., Б-22), «Г» – «кёхё – крюк», «С» – «ый – луна»), (табл., Б-4), «О» – «ньообогор төгюрюк – овальный круг». Все эти знаки присутствуют среди руноподобных знаков Средней Лены (Окладников, Барашков, 1942. С. 27, 28, рис.). Надпись на дереве, обнаруженная Р.К. Мааком на перекрестке дорог, могла быть «тайнописью» благопожелания путникам или же своего рода «дорожным» указателем с информацией о расположенных рядом родовых территориях.

Шаманские и сакральные письмена, по фольклорным и этнографическим данным, представляли собой зашифрованные тексты, каждая единица которых имела скрытый смысл, понятный лишь узкому кругу посвященных. К ним можно отнести и «профессиональные» системы знаков. По сведениям Г.В. Ксенофонтова, знакомый ему предсказатель погоды *дьыллыт* в течение 15 лет ежедневно записывал в свою тетрадь метеорологические изменения посредством особых знаков (Ксенофонтов. Д. 113. Л. 2). По свидетельству очевид-

цев, известный народный певец, сказитель С.А. Зверев-Кыыл Уола особыми знаками пытался даже зафиксировать напевы, которые он слышал во сне. Певец рассказывал об увиденном им на притоке Вилуя наскальном рисунке, где красной охрой был нарисован человек, возле лица которого были прочерчены три волнистые линии, что он трактовал как изображение звуков (Уткин, Зверев, 1999. С. 208, 210).

Наряду с этими «тайными» письменами существовали системы знаков, доступные для большего числа людей и имевшие локальное распространение в рамках определённой местности или же территории, о чем косвенно свидетельствует упоминание о «вилуйской письменности». Записи верхоянского купца, по всей вероятности, велись в присутствии вторых лиц – участников его коммерческих и долговых операций, также заинтересованных в правильной фиксации сведений. Такая практика применялась и в оформлении счетных палочек-бирок, половинками которых обменивались обе стороны. Вместе с тем, в рассматриваемом нами тексте имеются и зашифрованные знаки. Например, денежные обозначения не совпадают с общепринятыми для счетных бирок. Видимо, согласно принципу «деньги не любят посторонних глаз», каждый купец использовал свои сугубо личные денежные обозначения. Известно, что крупные купцы-компаньоны при переписке зашифровывали виды, количество и стоимость закупаемой пушнины (Дамешек, Кушнарева, 2016. С. 44-45).

Мнемоническое письмо из простых знаков для личного пользования имело распространение среди северных якутов вплоть до конца 1930-х гг. А.А. Саввин сообщает, что неграмотный якут Усть-Янского района К. Рожин в 1928 г. на VI съезде советов Якутии выступил, изложив предварительно свою речь при помощи мнемонической записи. Земляк его – охотник Щелканов, в 1939 г. на районном слете охотников-стахановцев по такой же записи держал речь о стахановских методах промысла песка (Окладников, Барашков, 1942. С. 35).

Таким образом, у якутов имели распространение несколько видов «писем» с применением графических знаков: 1) шаманские «тайнописи» – ма-

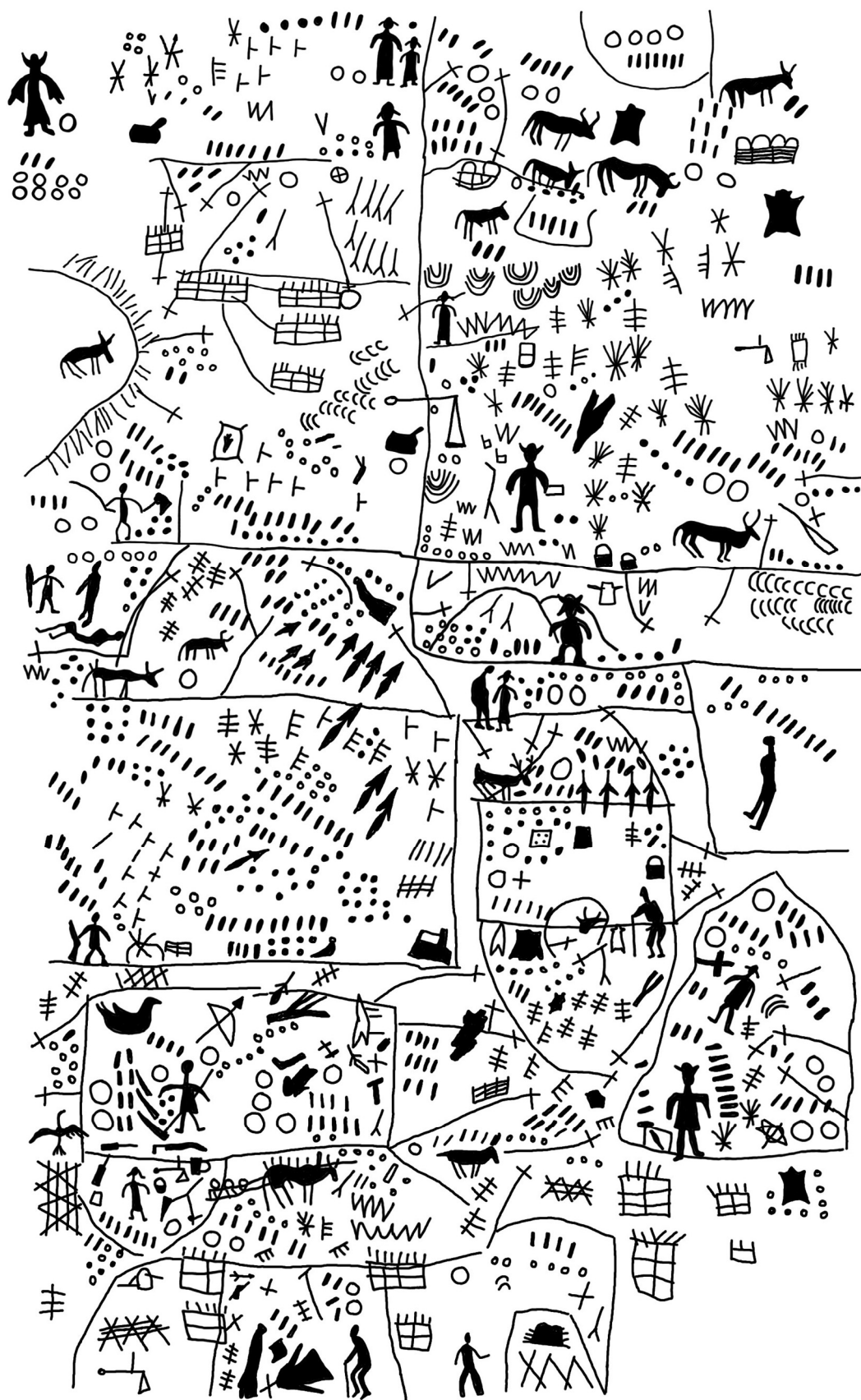

Рис. Реконструкция изображений знаков на л. 38 «Торговой книги неграмотного инородца Верхоянского округа»
 Fig. Reconstruction of images of signs on sheet 38 of the "Trading book of an illiterate aborigine of the Verkhoyansk district"

гические рецепты снадобий; ритуальные надписи с использованием сакральных символов; 2) «письма» информационного характера, составленные из простых иконических знаков и общедоступных территориально устойчивых символов; 3) «профессиональные» и «бытовые» мнемонические «записи», единицы знаков которых имели индивидуальный характер. К отдельному виду «писем» можно отнести и татуировку на теле, о чем косвенно свидетельствуют названия графических знаков, в которых присутствуют слова «сиирэ анньыы – сметочный шов прямыми стежками», «олдьу анньыы – косой стежок», «дьёлё анньыы – протыкание, прошивка». По легендам, татуировку носили специально обученные воины Тыгына, что некоторые исследователи склонны воспринимать как этнокультурный элемент, перенятый у средневековых тюрков, в частности енисейских кыргызов (Николаев, 2014. С. 4678–4679). По этнографическим данным, богатые семьи на р. Вилюй наносили на лица своих детей узоры и знаки в качестве оберега. В этих случаях знаки татуировки выступали наподобие тамг, в качестве социально значимых маркеров.

Заключение. Знаки-символы в тексте «долгой книги» в целом представлены иконическими пиктограммами и тамговыми знаками, часть из которых идентичны руноподобным знакам на скальных писаниц Средней Лены, рунам орхон-енисейского типа и тамгам народов тюрко-монгольского мира и аборигенного населения сопредельных территорий. Систему знаков книги можно охарактеризовать как идеографическое письмо, которое вобрало в себе элементы пиктографии. Можно предположить, что такой тип письма у якутов сложился в течение длительного исторического времени, начиная со времени проживания их предков в тюрко-монгольской среде номадов Центральной Азии и Южной Сибири.

Тамги были известны древним тюркам, в том числе огузам, (о чем определенно сообщают Г.В. Ксенофонов и П.А. Ойунский), обитавшим у границ Китая не позднее VII в. н. э.; они в качестве родовых знаков-меток широко применялись для таврения лошадей (Зуев, 1960. С. 96). Интерес

представляют изображения сложных комбинированных знаков в тексте (табл., А-16-18, 27-29), отдаленно напоминающие кушанские царские знаки (Акишев, 1984. С. 109, табл. X). Можно допустить, что по причине раннего отделения и изоляции предков якутов от мира кочевников Центральной Азии, в их культуре законсервировались какие-то весьма архаичные элементы, связанные отчасти с «монгольско-среднеазиатско-сарматскими параллелями» (Вайнберг, Новгородова, 1976. С. 69–73). Однако сходство может быть отчасти случайным, плодом художественной фантазии автора.

О древности идеограмм Ленских писаниц высказывался в свое время П.А. Ойунский, отметивший, что они по своему начертанию похожи на китайские иероглифы и авторы их «якуты должны были находиться на Лене до окончательной выработки орхонской письменности...» (Ойунский, 1935. С. 41, 66). Раннетюркские тамги в массе своей отличались от «букв» – рун синхронных им рунических алфавитов (Кызласов, 1994), хотя среди них и встречаются тамги, идентичные древнетюркским рунам, в частности орхон-енисейской письменности. Вполне возможно, что некоторые надписи в Якутии, принимаемые исследователями за тексты орхон-енисейской письменности, являются идеографическими письмами, состоящими из тамговых знаков и рунических единиц древнетюркских алфавитов.

Интерес представляет и сходство знаковых рисунков текста со «знаменами» «остяцких селькупов», что вызывает в памяти замечание А.П. Окладникова об аборигенном происхождении пиктографических писем Лены, датируемых эпохами камня и ранних металлов. Рассмотрение якутских легенд и преданий об автохтонных племенах Якутии сквозь призму этнографических данных позволяет сопоставить их обычаи и традиции с элементами самобытных культур самодийских народов и «енисейских остяков» – кетов (Бравина, Петров, 2018).

Вопрос об авторстве записей остается открытым. Судя по денежным обозначениям, зафиксированным в тексте в общей сумме 23 тыс. 750 руб., и расценкам товаров и пушнины в рассматриваемом

мый период, владелец торговой книги был достаточно крупным купцом. По статистическим данным, Верхоянский округ с 1895 по 1911 г. ежегодно поставлял пушнину в среднем на 24,5 тыс. руб. (Захаров, 1995. С. 98, табл. 7). Более 20 лет в Верхоянском округе скупал пушнину купец второй гильдии Н.Б. Васильев, оставивший в 1905 г. наследство в 229 тыс. руб. Его наследники не сумели своевременно собрать долги и продолжили дело с капиталом в 100 тыс. руб. (Захаров, 1995. С. 66). Вполне

возможно, что книга была приобретена у наследников вышеупомянутого купца.

Авторы надеются, что торговая книга неграмотного верхоянского купца в качестве памятника идеографического письма и источника по истории торговли пушниной на Северо-Востоке России привлечет внимание лингвистов, искусствоведов, культурологов и историков, а рассмотренные в статье вопросы получат дальнейшее развитие в междисциплинарных исследованиях.

Библиографический список

- Акишев А.К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата: Наука, 1984. 176 с.
- Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. 1896. Вып. III, IV. С. 277–456.
- Бравина Р.И., Петров Д.М. Племена «ставшие ветром»: к вопросу об автохтонном субстрате в этнокультурогенезе якутов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 2 (41). С. 119–127. DOI: 10.20874/2071-0437-2018-41-2-119-127
- Вайнберг Б.И., Новгородова Э.А. Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М.: Наука, 1976. С. 66–74, 176–179.
- Востров В.В., Муканов М.С. Родоплеменной состав и расселение казахов. Алма-Ата: Наука, 1968. 240 с.
- Губельман М.И. Бирки и записи долгов, графически представленные в своей торговой книге неграмотным якутом Верхоянского округа // Известия Якутского отдела Императорского русского географического общества. Якутск: Областная типография. 1915. Т. I. С. 99–102.
- Дамешек Л.М., Кушнарева М.Д. Купеческая переписка как источник изучения проблем развития пушной торговли крупным капиталом в Северо-Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. Томск. 2016. № 403. С. 43–48. DOI: 10.17223/15617793/403/8
- Захаров В.П. Пушной промысел и торговля в Якутии (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1995. 70 с.
- Зензинов В.М. Старинные люди у холодного океана. Русское Устье Якутской области Верхоянского округа. Москва: Типография П.П. Рябушинского. 1914. 133 с.

References

- Akishev A.K. 1984. Art and mythology of the Saks. Alma-Ata: Nauka. 176 p. (In Russ.)
- Aristov N.A. 1896. Notes on the ethnic composition of the Turkic tribes and nationalities and their strength. *Zhivaya starina* [Living Old Time]. Iss. III, IV. Pp. 277–456. (In Russ.)
- Bravina R.I., Petrov D.M. 2018. Tribes “become wind”: on the issue of autochthonous substrate in the ethnocultural genesis of the Yakuts. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography]. No. 2 (41). Pp. 119–127. (In Russ.) DOI: 10.20874/2071-0437-2018-41-2-119-127
- Vainberg B.I., Novgorodova E.A. 1976. Notes on the signs and tamgas of Mongolia. *Istoriya i kul'tura narodov Srednei Azii (drevnost' i srednie veka)* [History and culture of the peoples of Central Asia (Antiquity and the Middle Ages)]. Moscow: Nauka. Pp. 66–74, 176–179. (In Russ.)
- Vostrov V.V., Mukanov M.S. 1968. Tribal composition and resettlement of Kazakhs. Alma-Ata: Nauka. 240 p. (In Russ.)
- Gubel'man M.I. 1915. Tags and records of debts graphically represented in their trading book by the illiterate Yakut of the Verkhoyansk district. *Izvestiya Yakutskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva* [News of the Yakut department of the Imperial Russian Geographical Society]. Yakutsk: Oblastnaya tipografiya. Vol. 1. Pp. 99–102. (In Russ.)
- Dameshek L.M., Kushnareva M.D. 2016. Merchant correspondence as a source for studying the problems of the development of fur trade in large capital in North-Eastern Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. Tomsk. No. 403. Pp. 43–48. (In Russ.) DOI: 10.17223/15617793/403/8
- Zakharov V.P. 1995. Fur hunting and trade in Yakutia (late XIX – early XX century) Novosibirsk: Nauka. 70 p. (In Russ.)
- Zenzinov V.M. 1914. Ancient people in the cold ocean. Russian Mouth of the Yakut region of Verkhoyansk district. Moscow: Tipografiya P.P. Ryabushinskogo. 133 p. (In Russ.)

Зуев Ю.А. Тамги лошадей из вассальных княжеств / перевод из китайского сочинения VIII–X вв. Танхуйяо, Т. III, цзюань 72, гл. 72, стр. 1305–1308) // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. 1960. Т. 8. С. 93–140.

Ксенофонов Г.В. Изображения на скалах р. Лена в пределах Якутского округа // Бурятияведение. 1927. Вып. 3, 4. С. 67–70.

Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав и история расселения. М.: Наука, 1974. 576 с.

Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. М.: Восточная литература, 1994. 327 с.

Кызласов Л.П. О датировке памятников енисейской письменности // Советская археология. 1965. № 3. С. 38–49.

Левин Г.Г. Была ли письменность у якутов? (К вопросу о руническом письме у народа саха) // Всадники Северной Азии и рождение этноса: этногенез и этническая история саха: материалы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 125-летию Г.В. Ксенофонта и 100-летию Л.Н. Гумилева. Новосибирск: Наука. 2014. С. 271–277.

Маак Р.К. Вилуйский округ. 2-е изд. М.: «Яна», 1994. 592 с.

Николаев Н.А. Происхождение обряда татуировки у позднесредневековых племен Якутии // В мире научных открытий, 2014. № 11, 12 (59). С. 4671–4681. DOI: 10.12731/wsd-2014-11.12-3

Носов М.М. Стилиевые признаки якутского узора // Сборник материалов по этнографии якутов. Якутск: Книжное издательство, 1948. С. 107–116.

Оглоблин Н.Н. «Знамена» сибирских инородцев XVII века // Записки Уральского общества любителей естествознания. Екатеринбург, 1891–1892. Т. XIII. Вып. 1. С. 1–8.

Оглоблин Н.Н. Остяцкие «знамена» XVII века // Исторический вестник. Т. 38. СПб., 1889. С. 135–149.

Ойунский П.А. Якутский язык и пути его развития // Русско-якутский терминологический словарь. М.: Учпедгиз. 1935. С. 5–102.

Окладников А.П., Барашков И.И. Древняя письменность якутов. Якутск: Якутгосиздат, 1942. 40 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Средней Лены. Л.: Наука, 1972. 270 с.

Zuev Yu.A. 1960. Horses tamgas from vassal principalities / translation from the Chinese work of the VIII–X centuries. Tankhuiyao, Vol. III, tszyuan' 72, Ch. 72, pp. 1305–1308). *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii AN KazSSR* [Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR]. Vol. 8. Pp. 93–140. (In Russ.)

Ksenofontov G.V. 1927. Images on the rocks of the River Lena within the Yakutsk District. *Buryatievedenie*. [Buryatia Studies] Iss. 3, 4. Pp. 67–70. (In Russ.)

Kuzeev R.G. 1974. The origin of the Bashkir people. Ethnic composition and history of resettlement. Moscow: Nauka. 576 p. (In Russ.)

Kyzlasov I.L. 1994. Runic scripts of the Eurasian steppes. Moscow: Vostochnaya literature. 327 p. (In Russ.)

Kyzlasov L.P. 1965. About the dating of the Yenisei written sites. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology]. No. 3. Pp. 38–49. (In Russ.)

Levin G.G. 2014. Did the Yakuts have a written language? (To the question of the runic letter of the Sakha people). *Vsadniki Severnoi Azii i rozhdenie etnosa: etnogenez i etnicheskaya istoriya Sakha. Mat. Vseross. nauch. konf.s mezhdunar. uchastiem, posvyashch. 125-letiyu G.V. Ksenofontova i 100-letiyu L.N. Gumileva* [Riders of North Asia and the birth of the ethnic group: ethnogenesis and ethnic history of the Sakha: Proceedings of the All-Russian scientific conf. with intern. participation, dedicated to the 125th anniversary of G.V. Ksenofontov and the centenary of L.N. Gumilyov]. Novosibirsk: Nauka. Pp. 271–277. (In Russ.)

Maak R.K. 1994. Vilyuiskii okrug. Moscow: "Yana". 592 p. (In Russ.)

Nikolaev N.A. 2014. The origin of the rite of tattoo in the late medieval tribes of Yakutia. *V mire nauchnykh otkrytii* [In the world of scientific discoveries]. No. 11, 12 (59). Pp. 4671–4681. (In Russ.) DOI: 10.12731/wsd-2014-11.12-3

Nosov M.M. 1948. Style features of the Yakut pattern. *Sbornik materialov po etnografii yakutov* [Collection of materials on the ethnography of Yakuts]. Yakutsk: Knizhnoe izdatel'stvo. Pp. 107–116. (In Russ.)

Ogloblin N.N. 1891–1892. "Banners" Siberian aliens of the XVII century. *Zapiski Ural'skogo obshchestva lyubitelei estestvoznaniya* [Notes of the Ural Society of Natural Sciences Fans]. Ekaterinburg. Vol. XIII. Iss. 1. Pp. 1–8. (In Russ.)

Ogloblin N.N. 1889. Ostyak "banners" of the 17th century. *Istoricheskii vestnik* [Historic Herald]. Vol. 38. St. Petersburg. Pp. 135–149. (In Russ.)

Oiunskii P.A. 1935. Yakut language and ways of its development. *Russko-yakutskii termino-orfograficheskii slovar'* [Russian-Yakutian terminological and spelling dictionary]. Moscow: Uchpedgiz. Pp. 5–102. (In Russ.)

Okladnikov A.P., Barashkov I.I. 1942. The ancient writing of the Yakuts. Yakutsk: Yakutgosizdat. 40 p. (In Russ.)

Okladnikov A.P., Zaporozhskaya V.D. 1972. Petroglyphs of the Middle Lena. Leningrad: Nauka. 270 p. (In Russ.)

Ольховский В.С. Тамга (к функции знака) // Историко-археологический альманах. Армавир. 2001. № 7. С. 75–86.

Попов Н.И. Древнее прошлое Усть-Яны: легенды, предания и рассказы. Якутск: Сайдам, 2015. 160 с. (на якут. яз.)

Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 1993. 736 с.

Симченко Ю.Б. Тамги народов Сибири XVII века. М.: Наука, 1965. 226 с.

Тиваненко А.В. Гибель племени меркитов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1992. 70 с.

Трошчанский В.Ф. Наброски о якутах Якутского округа. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1911. 144 с.

Тюлюш А.Ч. Типология родовых тамг у тувинцев // Известия Алтайского университета. 2015. № 4/2 (88). С. 202–206. DOI 10.14258/izvasu(2015)4.2-35

Уткин К.Д., Зверев Д.С. Преклонение веков. Якутск: Союз писателей республики Саха, 1999. 228 с. (на якут. яз.).

Rintchen B. Les dessins pictographiques et les inscriptions sur les rochers et sur les stèles en Mongolie. Ulaanbaatar, 1968.

Сведения об авторах

Бравина Розалия Иннокентьевна,
доктор исторических наук, профессор, заведующая отделом археологии и этнографии,
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера (ИГИИПМНС) СО РАН,
Россия, 677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1,
e-mail: bravinari@bk.ru

Соловьёва Елена Николаевна,
лаборант отдела археологии и этнографии,
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера (ИГИИПМНС) СО РАН,
Россия, 677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1,
e-mail: lenasolo05@mail.ru

Критерии авторства

Р.И. Бравина и Е.Н. Соловьёва выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись, документы и иллюстрации к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Russ.)

Ol'khovskii V.S. 2001. Tamga (to sign function). *Istoriko-arkheologicheskii al'manakh* [Historical and Archaeological Almanac]. Armavir. No. 7. Pp. 75–86. (In Russ.)

Popov N.I. 2015. The ancient past of Ust-Yana: legends, traditions and stories. Yakutsk: Saidam. 160 p. (In the Yakut language)

Seroshevskii V.L. 1993. Yakuts. Ethnographic research experience. Moscow: ROSSPEN. 736 p. (In Russ.)

Simchenko Yu.B. 1965. Tamgas of the peoples of Siberia of the XVII century. Moscow: Nauka. 226 p. (In Russ.)

Tivanenko A.V. 1992. The death of the Merkit tribe. Ulan-Ude: BNTs SO RAN. 70 p. (In Russ.)

Troshchanskii V.F. 1911. Outlines of the Yakuts of the Yakutsk District. Kazan': Tipo-litografiya Imperatorskogo universiteta. 144 p. (In Russ.)

Tyulyush A.Ch. 2015. Typology of Tuvian clan tamgas. *Izvestiya Altaiskogo universiteta* [News of Altai University]. No. 4/2 (88). Pp. 202–206. (In Russ.) DOI: 10.14258/izvasu(2015)4.2-35

Utkin K.D., Zverev D.S. 1999. Adoration of the Ages. Yakutsk: Soyuz pisatelei respubliki Sakha. 228 p. (In the Yakut language)

Rintchen B. Les dessins pictographiques et les inscriptions sur les rochers et sur les stèles en Mongolie. Ulaanbaatar, 1968.

Information about the authors

Rosalia I. Bravina,
Dr. Sci. (History), full professor, director of Archaeology and Ethnography Team,
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
1 Petrovsky Str., Yakutsk 677027, Russian Federation
e-mail: bravinari@bk.ru

Elena N. Solovyova,
Laboratory assistant of Archaeology and Ethnography Team,
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
1 Petrovsky Str., Yakutsk 677027, Russian Federation
e-mail: lenasolo05@mail.ru

Attribution criteria

R.I. Bravina and E.N. Solovyova performed research work, on the basis of the results conducted the synthesis, prepared the manuscript for publication, own the copyright on the article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.